

ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 364:94(37/38)

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ. У ИСТОКОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

А.А. Быков

Томский государственный университет

aab56@sibmail.com

Статья посвящена анализу появления такого социального феномена, как благотворительность. Автор рассматривает труды античных ученых и выявляет причины, мотивацию благотворителей, а также их типологию и некоторые ограничения в области благотворительной деятельности. Анализируется и практический опыт в рамках Римской империи.

Ключевые слова: античность, Римская империя, благотворительность, рефлексия.

Известный советский ученый М.А. Барг в свое время писал: «Кажущаяся нам самоочевидной истина, согласно которой ни сам человек и его мышление, ни общественные институты не могут быть поняты вне связи, во-первых, с обстоятельствами места и времени их функционирования и, во-вторых, с историей их возникновения и развития, была полностью осознана только к середине XIX в.»¹. Иначе говоря, невозможно понять социальные феномены, события, становление общественных институтов вне исторического контекста, т. е. без использования принципа историзма.

Античная цивилизация положила начало современной европейской цивилизации, поэтому анализ развития многих социальных институтов следует начинать с изучения греческих и римских аналогов, которые зачастую были первыми в мировой истории. Однако ученые обязаны учитывать специфику той далекой эпохи, осо-

бенности социальных систем и античного сознания.

Историки и политические деятели во все времена обращались к греко-римской истории не только в связи с характеристикой отдельных личностей, но и изучая те периоды истории, которые, по их мнению, давали более всего нужный им материал.

По мнению Е.Н. Штаерман, «Почти в любой области античной культуры, будь то изобразительное искусство, театр, философия, право, наука, этика, мы найдем идеи, теории, методы, так или иначе повлиявшие на аналогичные сферы культуры Средних веков, Возрождения, современности»².

Однако исследователь античности обязан учитывать динамику социокультурных процессов, отличающуюся своей спецификой и которая неизбежно должна была найти отражение в адекватных формах концептуализации этой динамики. Одним из центральных вопросов, встающих перед уче-

¹ Барг М.А. Эпохи и идеи. – М.: Мысль. – 1987. – С.3.

² Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. – М.: Наука, 1975. – С. 3.

ными, является следующий: каким образом античное сознание разрешало антитезу богатства и бедности и как это связано с благотворительностью. Но очевидно, что проблематика благотворительности, включая мотивацию жертвователей, шире, чем классовые противоречия и антагонизмы.

Уже в Древней Греции классического периода появляются относительно сложные стратификационные структуры, включавшие беднейшие слои крестьян, ремесленников, мелких торговцев, эвпатридов, жрецов и другие группы населения, весьма дифференцированные по статусу и имущественному положению. Иначе говоря, появляются высшие, средние и низшие слои населения, отношения между которыми были отнюдь не простыми и требующими контроля и регуляции со стороны государственных органов.

Беднейшие слои вызвали не только презрение, но и опасение у правящего класса. Рождаются такие понятия, как «охлос» и «охлократия». Поэтому уже в Древней Греции формируется элементарная социальная политика, направленная на поддержку неимущих слоев населения, а также таких его групп, как инвалиды, сироты, престарелые. Данные категории населения получили поддержку еще в доцивилизационную эпоху в рамках родоплеменных и общинных социальных микросистем.

Возникновение и развитие различных видов благотворительности в Древней Греции позднее привело к рефлексии по поводу этого социального феномена.

Платон подвел оригинальные философские обоснования для благотворительной деятельности. Он писал: «... вещам самым подобным между собой крайне необходимо исполняться ненавистью, либо пренебрежением и враждою, а самым неподобным –

дружбою: потому что бедному необходимо быть другом богатого, слабому – другом сильного, ради попечения, больному – другом врача, и вообще – таки – незнающему необходимо любить знающего и дружить с ним»³.

В том же диалоге «Лисий» он добавляет: «...Ведь противное есть пища противного, а подобное ничем не может наслаждаться от подобного»⁴.

Однако греческие философы особого интереса к осмыслению благотворительности не проявляли. Они анализировали более абстрактные, трансцендентные, метафизические и другие аспекты философского знания.

Другое дело – Римская цивилизация от Рима царского до имперского. В отличие от Греции, в частности от Афин, Рим не создал высокой культуры в эпоху становления и в свою бытность в качестве города-государства, несмотря на близость достаточно развитых в культурном отношении этрусских городов. «Об этой эпохе культурного развития мы знаем в сущности очень мало, в основном лишь из сообщений позднейших авторов, рассматривавших прошлое своего родного города под неким определенным углом зрения и стремившихся доказать, что Рим достиг господства сперва над Италией, а затем и над остальными подчиненными им странами благодаря исключительным моральным качествам своих граждан: мужеству, дисциплинированности, воздержанности, свободолюбию, высокому понятию о долге, уважению к божеским и человеческим законам, а главное беззаветной преданности отечеству, ради которого граждане не

³ Платон Сочинения. – СПб., 1863. – Ч. III–IV. – С. 253.

⁴ Там же. – С. 254.

щадил ни трудов, ни детей, ни жизни»⁵. В пантеон римских героев, образцов для подражания, входили вполне реальные исторические деятели, как Юний Брут, Муций Сцевола, Цинциннат и другие, которые, впрочем, прославились не благотворительностью, а военными и гражданскими подвигами.

Однако в Риме очень рано появляются предпосылки, социально-экономические и правовые, для развития благотворительности и элементарной социальной политики. «Долговое рабство римляне запретили еще на заре своей истории, считая недопустимым превращение сограждан в рабов, разорившийся должник становился нищим, но не рабом»⁶. Превращение свободных римлян в рабов явно противоречило римской этике, а позднее и другим соображениям – политическим и военным.

Во II веке до н. э. процесс разорения и обезземеливания мелких собственников стал массовым явлением, которое негативно отражалось на боеспособности римской армии.

В республиканскую эпоху римские легионеры представляли собой народное ополчение. Каждый гражданин в зависимости от своего имущественного положения был обязан идти на войну с собственным вооружением и при этом не получал никакого жалования – ему доставалась лишь доля военной добычи. Самых бедных граждан, не имевших денег на покупку оружия, на войну не брали, называли их пролетариями (от латинского слова *proles* – потомство), так как от этих бедняков государству не было иного проку, кроме того, что они производили потомство.

⁵ Штаерман Е.М. Указ. соч. – С. 45.

⁶ Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. – М.: Слово, 2002. – С. 8.

Часть дальновидной римской аристократии стала понимать, сколь опасно для государства беспредельное увеличение числа рабов и быстрое сокращение количества мелких свободных собственников.

Тиберий Гракх в 133 году до н. э. предложил ограничить размеры землевладения и наделить землей разорившихся римских граждан. Не только жалость к бездомным бедным, но и страх перед массами рабов лежат в основе реформ Тиберия Гракха. Хотя он был убит, брат его Гай продолжил дело, и земельная реформа все-таки была проведена в жизнь: на некоторое время процесс разорения многих собственников был приостановлен и число их возросло на несколько десятков тысяч⁷.

Тем не менее позднее началась раздача зерновых пособий, поскольку количество пролетариев в I веке до н. э. явно выросло: началась дестабилизация римской социально-политической системы, связанная с гражданскими войнами.

Раздача зерновых пособий, выдаваемых в виде месячного рациона в размере пяти *modii*, что составляет чуть больше бушеля зерна, при императорах стала социальным институтом⁸. Раздачи на постоянной основе впервые ввел Август, но оформил это не как благотворительность по отношению к действительно бедным и бездомным, а в виде привилегии, полагающейся только тем, кто попал в категорию «плебс». *Plebs Frumentaria* (люди, получающие зерно). Некоторые историки полагают, что пособие получали около 150 тыс. человек⁹.

Французский ученый Поль Вейн высказывал утверждение, что раздавали, скорее всего, «тем, кому должно было», а должно

⁷ Там же. – С. 10.

⁸ Джеймс П. Римская цивилизация. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – С. 126.

⁹ Там же.

было получать именно потому, что человек был «уважаемый», то есть имел и другие средства к существованию.

Привилегия получать бесплатное зерно могла передаваться по наследству, и среди эпитафий встречаются гордые надписи, гласящие, что покойный имел право на зерно. По мнению Паулы Джеймс, поставка зерна была тесно связана с социальными экспериментами, с помощью которых император подчеркивал свою роль защитника, кормильца и патрона города и его граждан. При императоре сдерживание цен на зерно и раздача общих субсидий стали прерогативой государства, необходимым и безотказным механизмом предотвращения голодных бунтов в Риме¹⁰.

Таким образом, в императорском Риме помощь от государства получали не только *proles*, но и более состоятельные граждане, что объясняется специфической идеологией, обусловленной отношениями, присутствующими римской гражданской общине.

Античный (рабовладельческий) способ производства определил основы мировоззрения носителей римской культуры и оказал решающее влияние на социальную политику и частную благотворительность. Даже деятельность императоров сильно напоминает личное благодеяние, что вполне объясняется менталитетом римской мир-общины.

Возникновение и развитие дифференцированных видов благотворительности в Риме рано и поздно должно было привести к рефлексии по поводу этого социального феномена.

Достаточно много рассуждений о благотворительности содержится в трудах римского политика, оратора и философа Марка Туллия Цицерона. Он развива-

¹⁰ Джеймс П. Указ. соч. – С. 126–127.

ет идеи Платона по поводу роли богатых людей в оказании помощи бедным. «Люди добиваются богатства как ради удовлетворения насущных потребностей, так и ради того, чтобы доставлять себе наслаждение. У таких людей душа более широкая; в них жадность к деньгам направлена на достижение власти и на возможность оказывать благодеяние»¹¹.

Однако, по мнению Цицерона, необходимо исходить из некоторых основ справедливости: «Подобает ссылаться на те основы справедливости, какие я установил в начале: во-первых, никому не причинять вреда; во-вторых, служить общей пользе»¹².

Размышляя о благодеяниях и щедрости, Цицерон считает, что они «наиболее свойственны натуре человека, но со многими оговорками. Прежде всего, надо остерегаться, чтобы эта доброта не вредила именно тем людям, которым, как нам кажется, мы делаем добро, а также и другим людям за тем, чтобы доброта не превышала наших возможностей; далее надо стараться воздавать каждому по его заслугам; это основа справедливости, к ней и надо относить все эти рассуждения. Ибо тех, кто оказывает людям милость, которая может повредить тому, кому, по-видимому, хотят принести пользу, надо признать не благодетелями и не щедрыми людьми, а несущими погибель потворщиками»¹³.

Творение блага с помощью добрых дел приводит к двум позитивным последствиям: вовлечению новых помощников, у которых аналогичный *modus agendi* приобретение опыта в благодеяниях.... Тот, кто будет благотворителен и щедр, своими де-

¹¹ Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 140.

¹² Там же. – С. 144.

¹³ Там же. – С. 152.

лами, т. е. доблестью и деятельностью, во-первых, будет располагать тем большим числом помощников в добрых делах, чем большему числу людей он принесет пользу; во-вторых, своей привычкой делать добро он станет более подготовленным в добрых услугах многим людям»¹⁴.

Выделяя два основных вида помощи – делами и деньгами, Цицерон, предвосхищая исихастскую парадигму в православии, пишет, что «более легок второй способ, особенно для состоятельного человека, но первый более прекрасен, более блистателен и более достоин храброго и прославленного мужа»¹⁵.

Тем не менее Цицерон неоднократно указывает и на негативные последствия, в частности денежной помощи. Царь Македонии Филипп относился к раздаче денег как к подкупу: «Ведь тот, кто получает что бы то ни было, становится более дурным человеком и всегда готов рассчитывать на такие же подачки»¹⁶. Очевидно, царь Филипп был не одинок в своих действиях по отношению к бедным. Для таких, как он, благотворительность – всего лишь популистский инструмент политики.

Римский автор дает типологию благотворительности и видов благодеяний, наиболее популярных в его время. Он выделяет два рода людей, склонных раздавать: одни – расточительные, другие – щедрые. Каждый из них, исходя из своих ценностно-нормативных интенций, предпочитает вполне определенные виды задачи. «Расточительные это те, кто проматывает свое состояние на пирушки, на раздачу мяса, на бои гладиаторов, на игры и на травлю диких зверей – на все то, па-

мять о чем они оставят недолгую или вообще не оставят никакой; щедрые, напротив – это те, кто на свои средства выкупают пленных у морских разбойников, берет на себя долг друзей, помогает им при выдаче дочерей замуж и поддерживает друзей при приобретении ими имущества или при преумножении его»¹⁷.

В этом случае мы видим расширение понятия «благотворительность», благо дела в понимании Цицерона следует оказывать не только бедным, но и друзьям и родственникам. Позднее эта установка сходит на нет и в христианстве более четко выделяются объекты благодеяний.

Выделяя виды благотворительности, Цицерон не мог обойти проблему их мотивации. Данная тема является сквозной и изучается уже более двух тысяч лет: от Эния до современных российских историков. Помимо положительных мотивов – делать добро, помогать близким из альтруистических побуждений всегда существовали не очень этичные мотивы. О них и пишет римский автор. Это жажда «блистательности и славы, склонность к хвастовству»¹⁸. Отсюда стремление некоторых благодетелей к фронтальной, без разбора раздаче материальных благ или организация зрелищ, заигрывание с безликой массой – толпой. Тем более «... любовь толпы необычайно сильно возбуждается уже с одной молвой и толками о щедрости, благотворительности, справедливости, верности слову и обо всех доблестях, связанных с мягкостью нрава и доступностью»¹⁹. Толпе как своеобразному психологическому единству было все равно, кто благотворитель – добрый или тщеславный, «склонный к хвастовству».

¹⁴ Там же. – С. 255.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 256.

¹⁷ Там же. – С. 257.

¹⁸ Там же. – С. 152–153.

¹⁹ Там же. – С. 242.

Поэтому в отличие от ранних христианских авторов Цицерон выступает против «слепой» недифференцированной помощи. «Доброта должна будет быть более склонна помогать людям, которых постигла беда, – если только они не заслужат этой беды. ...Необходимо выбирать «подходящих людей, судить здраво и быть внимательным»²⁰.

Более ранний римский ученый Энный по этому поводу дал очень четкую установку: «Дела благие, но направленные дурно, я сочту дурными...»²¹.

Цицерон предлагает расширить круг лиц, получающих помощь, но в моральном смысле не бескорыстно: «... надо стараться оказывать возможно большему числу людей благодеяния, память о которых они передадут детям и потомкам, так что им нельзя будет быть неблагодарными. Ведь человека, не помнящего оказанных ему благодеяний, все ненавидят»²².

Облагодетельствованный должен быть благодарным. Эта этическая установка позднее переходит и в христианство: нищий, получивший милостыню, обязан был помолиться о здоровье подающего милостыню. Во времена Римской республики и ранней империи благодарность – одна из ценностей римского этоса, вошедшая в христианскую этику.

С благодарностью органически связано еще одно желание римских благотворителей – память о добрых делах. Чтобы помнили – вполне естественное человеческое желание и мотив благотворительности. К неблагодарным отношение со времен Марка Туллия Цицерона остается неизменным.

Более поздний римский философ – стоик и политический деятель Луций Анней Сенека усиливает гуманистическую компоненту благодеяний и расширяет круг социальных групп, которым следует помогать. «Природа повелевает мне приносить пользу людям, а рабы ли они или свободные, благородного ли происхождения или вольноотпущенники, дарована ли им свобода с соблюдением надлежащих формальностей или упрощенным способом, в присутствии друзей, – совершенно безразлично, случай благотворительности представляется везде, где только есть человек»²³.

Сенека уделяет внимание и некоторым правилам благотворительности, которым должен следовать любой добродетельный гражданин. «Благодеяние принимается с таким же чувством, с каким оказывается; посему не следует оказывать его с пренебрежением. В особенности благодеяние не должно быть оскорбительным»²⁴, т. е. Сенека считал, что взаимодействие благотворителя и благополучателя должно быть равным и уважительным. Он, так же как и Цицерон, выступал против благодеяний ради собственной пользы и выгоды, тщеславия: «и требование не делать благодеяния ради пользы простирается до такой степени, что часто, как я уже говорил, его должно бывает делать с убытком и опасностью»²⁵.

Сенека продолжает римскую традицию, весьма рациональную, по поводу объектов помощи. Он, как и другие римские авторы, выступал против безадресной «слепой», а потому бесполезной, а то и вредной раздачи средств. «Мудрец никогда не навязыва-

²⁰ Цицерон. Указ. соч. – С. 261.

²¹ Там же.

²² Там же. – С. 262.

²³ Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, 1995. – С. 187.

²⁴ Там же. – С. 15.

²⁵ Там же. – С. 83.

ет своих щедрот порочным и недостойным людям, но, с другой стороны, милосердие его, никогда не истощаясь, бьет полным ключом всякий раз, как найдется достойный его человек»²⁶.

Сенека, возможно впервые в европейской традиции, высказывает идею о возможности возврата полученных средств. Он пишет об этом осторожно, но образно. «Мы должны дарить таким людям, которые были бы в состоянии возвратить полученное, хотя этого не следует от них требовать. Пусть благодеяния уподобляются глубоко зарытому кладу, который можно достать в случае крайней необходимости»²⁷. Понятно, что возврат хотя бы части полученных благ был возможен со стороны отнюдь не самых бедных благополучателей, тем более *proles*. Анализ трудов античных авторов позволяет сделать вывод о наличии более широкой группы благополучателей, куда входили достаточно разные социальные слои, чем в более поздние христианские времена. Очень интересна и идея возможности возврата, которая была актуальна и в более поздние времена, в частности в России во второй половине XIX века.

Из римских авторов отметим некоторые рассуждения еще одного римского философа-стоика Эпиктета. Он пришел к выводу о глубинной зависимости между благодеяниями и личностью благотворителя, его духовным миром и ценностными ориентациями: «Если бы Бог поручил тебе призреть сироту, ты ведь позаботился бы предохранить его от вреда? Так же точно Бог подарил тебе призреть самого себя и как бы сказал тебе: «Убереги ты этого человека в том чистом образе, в котором Я произвел его на свет. Он родился чистым, вер-

ным, бесстрашным и с чистой душой. Сохрани же его в целостности...»²⁸.

Однако греческие и римские философы, общественные деятели не только рассуждали о различных аспектах благодеяний, но, похоже, первыми придерживались известной духовно-практической установки – «вера без дела мертва», которая в последствии вошла «в плоть и кровь» христианства. Тем более, что традиция благотворения существовала уже не одно столетие и создала достаточно дифференцированные формы.

Отметим, что благотворительность понималась более широко и семантический объем понятия отличался от более поздних представлений. Деятельность городских властей в Риме, греческих полисах по оказанию помощи бедным считалась также благотворительной.

Так, знаменитый античный географ Страбон повествует в 14-й книге своей «Географии»: «Родосцы заботятся о народных интересах, хотя у них и нет демократического правления, но они все же желают поддерживать массу бедняков. Таким образом, народ снабжают хлебом или люди состоятельные помогают беднякам по обычаю предков; существуют известные общественные повинности по поставке продовольствия, так что не только бедняк получает свое пропитание, но и у народа нет недостатка в полезных людях, в особенности для пополнения флота»²⁹.

Богатые люди в Афинах, Риме и других городах Греции и Италии также раздавали бедным пищу у дверей своего дома в определенные дни.

Римский историк Тит Ливий во второй книге истории Рима сообщает, что бедные

²⁶ Там же. – С. 187.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. – С. 251.

²⁹ Страбон. География в 17 книгах. – М.: Ладомир, 1994. – Кн. XIV. – С. 610.

граждане имели право жить за счет казны, причем нельзя было обязать их исполнять artes sordidae, т. е. грязные низкие работы, предоставленные рабам и чужеземцам. Поэтому бедные, но свободные граждане должны были дойти до крайней нужды, чтобы согласиться наниматься рабочими в мастерские, которые государство было вынуждено устраивать для их поддержки, как это было, например, в Афинах³⁰. Поддержка бедных являлась одной из важнейших обязанностей властей греческих полисов. Они часто устраивали раздачу бедным припасов и денег. Перикл раздавал деньги нуждающимся гражданам на посещение театров и народных собраний, где разбирались частные процессы и государственные дела. Число бедных, получивших вознаграждение за такие чисто формальные посещения собраний ради приличия, составило в Афинах свыше 6000, т. е. более половины взрослого населения, обладавшего политическими правами³¹. По уверениям Аристотеля, это был общий обычай для всех демократических городов-государств.

Римский сенат еще в древнейшие времена ввел хлебное управление, аннопа (попечительство о ежегодном подвозе хлеба), для продажи бедным хлеба ниже рыночной цены. Позднее был принят Lex Clodia, хлебный закон, предложенный народным трибуном Клодием, отменившим всякую плату за хлеб, который аннопа раздавала народу; это стоило республике пятой части ее государственных доходов³².

Весьма значительным было число тех, чье имя было занесено в списки граждан,

³⁰ Лафарг П. Благотворительность и право на труд. – Петроград: Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов. – 1918. – С.18.

³¹ Там же.

³² Там же. – С. 21.

благодаря чему они получали право на участие в раздаче припасов, а иногда и денег. Цезарь ограничил их число до 150 000, но Август после ревизии снова увеличил его до 200 000.

Однако, только мужчины имели право на раздаваемые припасы. Императоры Нерва и Траян распространили это право на сирот и детей, puelli et puellae alimentarii (мальчики и девочки, получавшие пособия). Император Аврелиан через 300 лет после Рождества Христова ввел раздачу печеного хлеба вместо зернового, так как у бедных не было средств для помола и печения хлеба. Позднее Константин уже в христианскую эру продолжил традиции своих предшественников³³.

Тем не менее кормление населения, раздача денег были не единственными видами государственной благотворительности. Бедных еще и развлекали. Часто с бесплатными зрелищами в амфитеатрах или цирках (а таких зрелищ, например, при Марке Аврелии назначалось до 135 дней в году) соединялась раздача подарков или здесь же производился розыгрыш даровой лотереи, причем счастливым доставались очень ценные вещи – золото, дорогие иноземные птицы, даже корабли или целые имения³⁴.

Таким образом, государство проявляло повышенное внимание к обездоленным слоям населения. П. Лафарг справедливо считал, что «по отношению к этим бедным гражданам государство заняло место представителя прежнего общего семейного союза и семейной собственности, на обязанности которого лежало содержание всех

³³ Там же.

³⁴ Петропавловский И.Д. Исторический очерк благотворительности и учения о ней в языческом мире, в Ветхом Завете и в древней церкви христианской. – М., 1895. – С. 7.

взрослых членов семьи, молодых и старых, здоровых и нетрудоспособных»³⁵. И, конечно, страх перед этими маргинальными слоями, получившими название «чернь», которых становилось все больше.

Однако, как мы видим, в трудах античных мыслителей больше внимания уделяется анализу частной, индивидуальной благотворительности. И это вполне объяснимо. Государственная благотворительность воспринималась как данность, как сфера политического регулирования, опирающаяся на конкретные законодательные акты. Со всем другое дело частная благотворительность как индивидуальный поведенческий феномен. Богатые люди, патриции, всадники и другие оказывали поддержку бедным согражданам исходя из разных мотивов и выбирая для себя практические виды благотворительности, а их было достаточно много.

Так, в Риме и в других больших городах многочисленные толпы нищих сидели на уличных перекрестках, мостах, при храмах и вообще везде, где только имело место оживленное движение народа. Выпрашивая мелкие монеты у прохожих, они сопровождали подаяния благожеланиями нищелюбцу именами какого-либо бога. Так появилась милостыня – наиболее древняя и экзистенциальная форма благодеяний.

Отмечены крупные, но разовые благотворительные акции. Так, когда при Нероне подвергся внезапному разрушению огромный амфитеатр в Фиденгах и похоронил под своими развалинами до 50 000 человек, знатные римляне поспешили отправиться на место трагедии докторов с медикаментами и многих раненых приютили в своих домах.

³⁵ Лафарг П. Указ. соч. – С. 19.

Состоятельные люди античного мира отличались необыкновенной щедростью – *liberalitas*, граничащей с расточительностью в пользу родственников, друзей, знакомых, иногда граждан целого города или всего отечества, а также в пользу коллегий или братств, к которым богатые люди принадлежали иногда в качестве членов. По мнению И.Д. Петропавловского, в этом отношении доброта богатых людей доходила нередко до грандиозных масштабов. На надгробных памятниках римских богачей можно прочесть, что один из них выстроил для своего города целый театр, другой – скотобойню, иной восстановил развалившиеся стены вокруг города или построил водопровод и т. д.

Некоторые из состоятельных людей принимали меры к тому, чтобы зерновой хлеб оставался в прежней цене во время голода или прямо снабжали в такие годы своих сограждан зерном, вином, маслом, в другое время богачи по каким-нибудь особым случаям угощали сограждан роскошным обедом или бесплатным спектаклем, открывали бесплатные бани, общественные читальни³⁶.

Античная цивилизация конституировала и некоторые организационные формы, такие как попечительства, например, о бедных гражданах в Афинах, братства или коллегии в Риме. И это, видимо, не весь перечень видов благодеяний. Выбор конкретных практик зависел от средств состоятельного человека, его фантазий, мотивации, а также наиболее актуальных общественных потребностей.

Таким образом, в Древней Греции и Риме были заложены нравственные основы благотворительности, принципы и базовые формы, отрефлексированы мотивы и неко-

³⁶ Петропавловский И.Д. Указ. соч. – С. 7.

торые ограничения в области благодеяний. Отметим и специфику античного понимания благотворительности. Во-первых, деятельность государственных органов в Риме, как и городских властей в греческих полисах, так же считалась благотворительной. Так ее оценивали и более поздние авторы XIX века (И.Д. Петропавловский, П. Лафарг и др.). Во-вторых, поддержка оказывалась не только бедным, но и не самым богатым гражданам, которые попадали «в нужную» категорию получателей государственных благ. Помощь родственникам и друзьям, по крайней мере в Риме, считалась благим делом. В христианстве наблюдается явная редукция социальных категорий, получавших благотворительную помощь. Теме не менее европейская цивилизация и многие христианские страны до сих пор используют это богатейшее наследие античного мира.

Литература

- Барг М.А.* Эпохи и идеи. – М.: Мысль. – 1987. – 348 с.
- Джеймс П.* Римская цивилизация. – М.: ФАИР-ПРЕСС. – 2000. – 272 с.
- Лафарг П.* Благотворительность и право на труд. – Петроград: Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 1918. – 40 с.
- Петропавловский И.Д.* Исторический очерк благотворительности и учения о ней в языческом мире, в Ветхом Завете и в древней церкви христианской. – М., 1895. – 120 с.
- Платон.* Сочинения. – СПб., 1863. – Ч. III–IV. – 470 с.
- Римские стоики.* Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
- Страбон.* География в 17 книгах. – М.: Ладомир, 1994. – Кн. XIV. – 941 с.
- Федорова Е.В.* Императорский Рим в лицах. – М.: Слово, 2002. – 232 с.
- Цицерон М.Т.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: ЭКСМО-Пресс. – 1999. – 528 с.
- Штаерман Е.М.* Кризис античной культуры. – М.: Наука, 1975. – 184 с.